

Глава 9

Оказавшись на улице, Ли Цинхун не выдержал:

— Отец, неужто восемь лянов — это мало? — спросил он, едва поспевая за родителем. — Сколько же на самом деле стоит эта вещица?

Ли Маосянь шагал размашисто, не замедляя хода.

— Сам не ведаю, какова ей истинная цена, — отозвался он. — Но хозяин тот — малый приметливый и донельзя хитрый. Раз он сразу до восьми лянов поднялся, да еще и намекал, что может накинуть, значит, короб наш стоит куда больше.

Ли Цинвэнь только теперь понял, к чему были все эти недомолвки и хитрости. Отец с самого начала почуял неладное в повадках толстяка и, скорее всего, вовсе не собирался отдавать ему игру.

— И что же нам теперь делать? — подал голос Ли Цинфэн.

Те лавки, что они обошли, были самыми крупными в уезде. Вряд ли мелкие торговцы согласятся выложить за деревянную забаву больше восьми лянов.

— Продавать не станем, — отрезал Ли Маосянь.

Братья переглянулись в полном недоумении. Отец же, прибавив шагу, пояснил:

— Отправим короб вашему старшему брату в окружной город. Пусть он там разузнает, какова на такие вещи настоящая цена.

Сыновья молча последовали за ним. Они пересекли город и остановились у больших ворот просторного подворья на западной окраине. Оставив детей ждать снаружи, Ли Маосянь вошел внутрь, чтобы разузнать о торговых караванах, идущих в округ. Вскоре он вернулся: караван отправлялся через два дня. Ли Маосянь договорился с вожакom о доставке, пояснив, что передать нужно письмо и небольшую поклажу весом в полцзиня.

Уладив дела с ценой и сроками, отец повел сыновей в «Зал Возвращения Весны». К их досаде, Ли Цинчжо вместе с лекарем Люй как раз уехал к больному, и повидаться с братом не удалось.

Больше в уезде задерживаться не стали — Ли Маосянь скомандовал возвращаться домой.

Глядя на корзину, в которой лежали купленные сладости, Ли Цинвэнь напомнил:

— Отец, а как же сахар? Мы ведь его так и не продали.

Ли Маосянь кивнул, погладив Сынка по плечу:

— Выйдем за ворота, там я тебе всё и растолкую.

Цинвэнь не совсем понял, к чему такая таинственность, но расспрашивать не стал. Ответ он получил лишь тогда, когда городские стены остались позади, а под ногами запылелся знакомый тракт.

— В уезде податей — не счесть, — вздохнул Ли Маосянь, качая головой. — Те, кто на рынке годами стоят, со стражей да ямэньскими прихвостнями за руку здороваются, им полегче. А мы — люди пришлые, нас мигом оберут. Прежний-то глава уезда был помягче, а нынешний — жаден донельзя, да и люди под ним — чистые волки. Стоит нам лоток поставить, как они налетят. Нашего сахара им и на один зуб не хватит.

— И то правда! — Ли Цинхун сердито сплюнул. — Как-то раз мы собрали сотню яиц на продажу. Только разложились, подошел стражник, спросил, как торговля идет, да и запустил лапу прямо в кошель. Хорошо, старший брат догадался заранее деньги припрятать, оставил всего десяток медяков. Так тот прихвостень всё забрал, да еще и ворчал, что мало — даже на кувшин вина не хватит...

— Стражники эти лютые, — добавил Ли Цинхун, вспоминая рассказы односельчан. — Коли кто возразит посмеет — в ход идут кулаки. А если и тогда не уймешься, в ямэнь потащат, в колодки закуют. Там без серебра и шагу не ступишь, живо пытками замучают...

Цинвэнь слушал, и на душе у него становилось всё тяжелее. Он-то наивно полагал, что стоит придумать дельную вещь, и деньги сами потекут в дом. Оказалось, что мир устроен куда сложнее, и за сегодняшний поход они не только ничего не выручили, но и потратили последние медяки на невкусный городской солодовый сахар.

Ли Маосянь заметил, как помрачнел младший сын, и ободряюще улыбнулся:

— Не кручинься, Сынок. У каждого зверя — своя тропа. Не дадут в городе торговать — найдем другой путь, как сахар сбыть.

В словах отца звучала такая уверенность, что Ли Цинвэнь невольно успокоился. Вскоре они уже вовсю обсуждали дела домашние. Ли Маосянь дотошно выпрашивал, много ли сахара вышло из вчерашней варки. Цинвэнь пояснил, что если варить в большом котле, то потеря будет меньше, но общий выход сладости всё равно не станет намного больше.

Сынок также обмолвился, что солодовый сахар можно варить не только из клейкого риса — обычный тоже сгодится, да только он дороже, и выгоды в том нет. А еще можно использовать

сорго, если добавить к нему немного белого сахара...

Ли Маосянь оживился, услышав про патоку из сорго. Сорго было самым дешевым зерном: за один фунт клейкого риса давали целых три фунта сорго. Даже с учетом покупки белого сахара, такая патока обходилась бы семье куда дешевле.

За разговорами они не заметили, как свернули к деревне Сяваньцзы. У самого края селения стоял добротный дом. Ли Маосянь остановился у ворот и громко крикнул: «Коробейник Цю!». Спустя мгновение на порог вышел крепкий мужчина средних лет.

Увидев гостей, он поспешил навстречу:

— Дядя Ли! Какими судьбами? Проходите скорее в дом, присаживайтесь.

Вся семья Цю была в поле, так что хозяин принимал гостей один. Устроившись в комнате, Ли Маосянь достал горсть солодового сахара и протянул коробейнику.

— Дядя, я ведь не дитя, чтобы сладостями баловаться, — замахал руками тот. — Оставьте Фэн-эру да Сынку.

— Ты попробуй, — настоял Ли Маосянь. — Этот сахар наш Цинвэнь сам придумал. Ты человек бывалый, полкряя обошел, вот и скажи: пойдет такой товар в люди?

— Да какой из меня знаток, — скромно отозвался Цю, но тут же осекся, во все глаза глядя на младшего Ли. — Неужто племянничек-то поправился?

Цинвэнь шагнул вперед и вежливо поздоровался:

— Здоровья вам, старший брат Цю.

Коробейник долго качал головой, дивясь чудесному исцелению. Понимая, что гости зашли по делу, он наконец попробовал сахар и удовлетворенно кивнул:

— Хорош. Куда белее и слаще того, что в городе лавочники продают...

Он на мгновение задумался, а затем продолжил:

— Сахар и впрямь отменный, я бы мог его в корзины взять. Да только, дядя, деревни, по которым я хожу, народ населяет небогатый. Не каждый решится монету на баловство потратить...

Ли Маосянь согласно кивнул:

— Знаю. Земли у нас мало, а ртов много, одним полем сыт не будешь. Нам не обязательно за деньги его отдавать — пусть люди на зерно меняют, нам всё впрок.

— А вот это дело! — Цю хлопнул себя по колену. — Монету из крестьянина вытянуть трудно, а вот за чашку-другую зерна дитё порадовать — на это многие согласятся.

Ли Маосянь перешел к сути:

— Ты делом торговым живешь, хлеб свой честным трудом и потом добываешь, и я не хочу, чтобы ты задаром спину гнул. Бери у нас сахар под расчет: что не продашь — вернешь обратно. А за каждые пятьдесят цзиней вырученного зерна я тебе сверх того два с половиной цзиня сахара дам. По рукам?

Коробейник согласился без раздумий.

Два с половиной фунта солодового сахара стоили около шестидесяти-семидесяти медяков — деньги немалые. Торгуя мелочевкой по деревням, он с каждой вещицы едва медяк-другой выручал. За день порой и на десяток монет не наторгуешь, а тут такая удача. Хоть и тяжело таскать корзины по тридцать ли в день, но труд этот ему был привычен.

Они еще долго судили да рядили, на сколько зерна какой кусок сахара менять. Когда уговор был скреплен, Ли Маосянь упомянул, что через два дня отправляет восточку в окружной город, и спросил, не нужно ли чего передать Цю Эрлану.

Младший брат коробейника был дружен с Ли Цинжум, они вместе отправились на заработки несколько месяцев назад. Коробейник Цю смущенно поскреб в затылке: грамоте он был обучен слабо, и иероглифы давались ему с трудом. Он попросил Ли Маосяня приписать в письме, что дома всё ладно, пусть брат не тревожится и возвращается поскорее.

Время близилось к полудню. Ли Маосянь хотел было оставить сахар коробейнику просто так, но тот наотрез отказался. После долгого спора сошлись на том, что Цю возьмет лишь половину.

Покинув дом Цю, путники добрались до тенистого перелеска. Устроившись под деревом, они достали из узелков домашние лепешки, подкрепились и двинулись к родной деревне.

Едва переступив порог дома, Ли Маосянь поведал о своих планах. Госпожа Чэнь тут же велела вынести из амбара остатки пшеницы — набралось добрых пятнадцать цзиней. Солода теперь хватило бы надолго, а вот запасы клейкого риса почти подошли к концу.

Улучив минуту, когда в комнате никого не осталось, матушка шепнула мужу:

— В доме всего сто двадцать медяков осталось. Коли ты собрался старшему сыну поклажу слать, на рис денег совсем не останется.

Ли Маосянь на мгновение задумался.

— Возьмем рис в долг у соседей. Как только коробейник сахар пристроит, так сразу и вернем.

Госпожа Чэнь поколебалась, но всё же кивнула. Она уже собралась было сама идти по домам, но муж удержал её:

— Сиди дома, я сам схожу. Ты с прошлого месяца лекарств не принимала, береги спину, не ровен час — опять прихватит.

За эти годы на лечение её поясницы ушло немало денег, так что стоило быть осмотрительнее.

Отец ушел и вернулся лишь к вечеру, обойдя едва ли не полдеревни, но всё же сумел собрать сотню цзиней клейкого риса. После ужина он достал кисти и тушь, чтобы составить послание старшему сыну.

Ли Цинвэнь, за день отмахавший немало верст, чувствовал себя совершенно разбитым. Едва добравшись до лежанки, он провалился в глубокий сон, даже не дождавшись ужина. Братья, видя, как измучился Сынок, будить его не стали.

Цинвэнь проснулся лишь в сумерках. Пшеница к тому времени уже была замочена.

Пока солод прорастал, Ли Маосянь, следуя советам младшего сына, подробно записывал все ходы для головоломки. В город он отправил два письма: одно для Ли Цинжуя, а другое — для Цзян Цуна.

Уезд Люшань лежал слишком далеко от провинции Хунчжоу, и прямой почты туда не было. Но из окружного города караваны ходили часто, и старший сын мог передать весточку с верными людьми. Если же случая не представится — что ж, на всё воля предков.

На самом деле Ли Цинжуй еще в начале года увозил письмо для благодетеля, но тогда Цинвэнь еще не пришел в себя. Теперь же, когда Сынок исцелился, о такой великой радости непременно следовало известить того, кто спас ему жизнь.

Отправив поклажу, Ли Маосянь занялся обустройством домашней мастерской. Он вбил крепкий деревянный клин в дверной косяк — так удобнее было растягивать сахарную массу. С западной стороны дома он велел поставить еще один очаг с котлом, чтобы работа спорилась быстрее.

Госпожа Цзян принесла у соседей ручной каменный жернов, вымыла и выставила сушиться плетеные циновки-крышки и решетки для варки.

Ли Цинвэнь с братьями тоже не сидели сложа руки: целыми днями они пропадали в лесу, заготавливая дрова и кося траву.

В тот день, когда проростки солода набрали нужную силу, в доме Ли закипела работа.

Сотня фунтов клейкого риса — гора немалая. Его разложили сушиться прямо во дворе, что сразу привлекло толпу деревенской детворы. Ли Цинхун встал на страже: едва какая птица норовила спикировать и склевать зернышко, он тут же её прогонял.

Варка сахара требовала, чтобы котел всегда был под присмотром, поэтому сою и кунжут обжарили заранее. Ли Цинфэн на ручном жернове стер их в мелкую муку, а затем просеял через частое сито — порошок вышел куда нежнее, чем тот, что они толкли в ступке в прошлый раз.

Промытый солод мелко порубили, смешали с рисом и оставили бродить. На несколько часов в доме воцарилось затишье — семья наскоро обедала, набираясь сил перед главным делом.

Когда пришло время цедить сладкую воду, в дело вступили все три котла. Выпаривание сахара — труд изнурительный. Нужно ни на миг не выпускать из рук лопатку: стоит лишь немного зазеваться, и сахар пригорит, а тогда все труды и дорогое зерно — прахом.

Ли Маосянь взял на себя один котел, а у двух других братья сменяли друг друга. Руки ныли, спина не разгибалась, но мешать нужно было непрерывно.

Хорошо еще, что в лесу они заготовили толстые сучья — они давали ровный, долгий жар, иначе пришлось бы еще и у печи без усталости возиться, подкидывая щепу.

<http://bllate.org/book/15828/1428442>